

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ГЛАВНЫХ МУЖСКИХ ОБРАЗОВ В ПЬЕСАХ
У. ШЕКСПИРА «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»
И Э. УОЛША «ДИСКОСВИНЬИ»**

Ю.В. Шарапова, О.А. Шмелева-Лаврова

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Писатели, поэты, драматурги разных эпох и народов нередко обращаются к одним и тем же темам, волнующим их современников, и пытаются показать новые грани проблемы в собственных произведениях. В данной статье в центре внимания находятся две пьесы, схожие в некоторой степени в содержательном плане, но решительно отличающиеся по форме и манере воздействия на читателя.

Ключевые слова: пьеса, лингвостилистические особенности, главные герои, конфликт.

Тема трагической любви освещалась в работах многих писателей, представляющих различные сферы словесного искусства. Особенно актуальными во все времена были драматические произведения. Поскольку жанр драмы соединяет воедино два творческих пространства – литературу и театр – читатель становится зрителем и даже участником происходящего на сцене действия, так как создается иллюзия настоящего времени. Свое звучание тема любви обретает в английской и ирландской литературе. Через века сюжет о юных Ромео и Джульетте, ставший классикой английской драматургии благодаря У. Шекспиру, вновь ожил в пьесе «Дискосвиньи» ирландского автора Э. Уолша. Две пьесы, снискавшие успех у читателей и зрителей, позволяют постичь национальное самосознание двух разных эпох.

Многие критики и рецензенты пьесы Э. Уолша «Дискосвиньи» проводят параллель между образами главных героев английской и ирландской пьес. «Рожденные в один день и в одной больничной палате, Свин и Свинка – неразлучный дуэт, иконы своего возраста, как Ромео и Джульетта, или Бонни и Клайд», напечатано в одном из отзывов [Press Release <http>]. А.Р. Джекобсон замечает в рецензии на театральную постановку 2006 года в Лондоне, что «она (пьеса) о нежной любви двух подростков, омраченной жестоким и бесчеловечным анти-социальным поведением. <...> Их любовь друг к другу такая же нежная и трогательная, как любовь Ромео и Джульетты» [Jacobson <http>]. Для того, чтобы доказать правоту данных утверждений относительно мужских образов, необходимо проанализировать художественные образы Ромео и Свина.

Ромео происходит из благородного семейства Монтекки, ведущего кровную вражду с семейством Капулетти в Вероне. Свин родился в рабочей семье в ирландском городе Корк (или, как именуют его Свин и Свинка, Порк, при буквальном переводе на русский язык – «Свиной»). Имея минимум

карманных денег, но видя соблазнительную жизнь на телеэкране, он затаил обиду и озлобленность на весь мир. Разные по социальному статусу и окружению, главные герои переживают чувства одного порядка – любовь и ненависть.

Действительно, в начале пьесы «Дискосвиньи» Свин и Свинка представляются почти неразлучным дуэтом, для которого будет вполне естественно, если их детская дружба перейдет в любовь. Сцена их одновременного рождения, как следовало выше, открывает пьесу и является моментом их встречи. Подбадривая друг друга, чтобы родиться поскорее, они, возможно, проявляют первую взаимную симпатию, которой суждено в будущем перерасти в нечто большее.

Что касается центральных героев пьесы «Ромео и Джульетта», они обоюдно признаются друг другу в любви, что доказано в тексте хиазмом:

ROMEO. As mine on hers, so hers is set on mine; and all combined, save what thou must combine by holy marriage. (Shakespeare 2010: 46).

Их единомыслие намерений проявляется в повторе фраз:

JULIET. <...> Take all myself.// ROMEO. I take thee at thy word <...> (Shakespeare 2010: 39).

Для Ромео любовь – благословение:

<...> ROMEO. Call me but love, and I'll be new baptized <...> (Shakespeare 2010: 39).

В сцене в ночном саду Ромео говорит о цветении своей души:

ROMEO. So thrive my soul <...> (Shakespeare 2010: 42).

Свин – чрезвычайно эмоциональный молодой человек, всегда готовый подраться за самопровозглашенные цели – представляется главным в паре, «вожаком стаи». Его мир ограничен рамками его комнаты:

PIG. Dis roam is my kingdom! Pig da king! My bed da trone <...> (Walsh 2005: 8),

да еще дискотеками, где исполняемая музыка дурманит его, отравляет и мотивирует на неожиданные всплески жестокости ничуть не меньше, чем выпивка:

PIG. An thru da pump pump pump a da disco dance I see it all! (Walsh 2005: 28).

Свинка в восторге от подобной безжалостности Свина, и она с радостью поддерживает его рассказы о былых «подвигах», в которых разбитые в кровь лица тех, кто не хотел им уступать – это норма их жизни.

Диско для Свина – его второй дом, танцующая толпа – вторая семья, музыка – наркотик:

PIG. Jus me jus me jus me jus me jus me!! Oh yes! Dis da one!! Real soun set Pig swimmin an swimmin in da on-off off-beat dat is dance! Beat beat beat beat beat thru da viens full a drink! An pig he wee wee full a drink! Dis is sex-in-step to dat beautiful soun dat deep deep down thru me pump da danceflower. On-an-off da off-beat dat is dance, on an-off the off beat dat is dance Pig move alone bud ta da crawd too he belong a family-a-sorts is wad he make wid deez happysoun fox. Pump pump pump pump oh fuck my head ja luvly beat deep inta me an take me home ta beddy byes an pump me more to

sleep soft an loss lost ... an still yeah I feel da finish of dis real music. I let da music leave da soul ... (Walsh 2005: 11),

чем, впрочем, в конечном итоге, оказывается для него и Свинка.

На протяжении всей пьесы Свин с пугающей неизменностью говорит о Свинке, как о ком-то / чем-то самом дорогом для него на свете:

PIG. Jar beautiful! Jar beautiful! (Walsh 2005: 6);

PIG. Hey luvvy! (Walsh 2005: 8);

PIG. Oh my guardy angel <...> (Walsh 2005: 24).

Как трогательно звучат его реплики, которые он произносит практически одну за другой в одном из эпизодов пьесы:

PIG. Jar my bird day giff in life, Runt!! <...> You're the one sweet ting!

<...> Jarr my bes pal in da whole whirl (Walsh 2005: 14),

и разве не перекликаются эти слова с речью влюбленного Ромео:

ROMEO. What light through yonder window breaks? It is the east and Juliet is the sun. <...> It is my lady; O, it is my love! <...> O that I were a glove upon that hand, That I might touch that cheek! (Shakespeare 2010: 38).

Свин проявляет заботу и нежность по отношению к Свинке, и это передано через «баюканье» на фонетическом уровне с помощью аллитерации звуков [m], [s]; ассонанса [a:], [i]; повторов сем (“calm”, “liddle”):

PIG. So no tears liddle one! ... please! (Puts his hand over her eyes and covers his eyes with his other hand.) Calm mother, calm! An sleep an res, ol sweet ting! Calm liddle pretty skin (Walsh 2005: 23).

Для Свина никого больше не существует, кроме них, поэтому он запросто предлагает Свинке:

PIG. Les kill da town, ya on?” (Walsh 2005: 15).

Свин мечтает о том, чтобы у него был космический корабль с лазером, который разносит все на куски. Он видит, как поднимается ввысь, нажимает кнопку, и от Корка-Порка не остается ничего, кроме его со Свинкой комнат, да Дворца Диско:

PIG. <...> cause das all dat matters, Runt ... ress is jus weekday stuff.” (Walsh 2005: 18).

Для него жизнь – игра, а он – ребенок, тем не менее, проявляющий взрослые желания.

Читатель впервые встречает Ромео уже влюбленным. Объект его томления – некая Розалина. Его переживания переданы через сонетную форму, которая открывает тему любви с речевой установкой на сравнение:

ROMEO. <...> Here's much to do with hate, but more with love. // Why then, O brawling love, O loving hate, // O anything of nothing first create; // O heavy lightness, serious vanity, // Misshapen chaos of well-seeming forms! // Feather of lead, bright smoke, cold fire, sick health, // Still-waking sleep that is not what it is. // This love feel I that feel no love in this <...>” (Shakespeare 2010: 13).

Высокая плотность оксюморонов в речи подчеркивает неопределенность, смятенность чувств, которые испытывает Ромео. Словами-темами здесь выступают *hate* и *love*. Поэтический слог речи героя, кроме того, выражен метафорами:

ROMEO. <...> Love is a smoke raised with the fume of sighs; // Being purged, a fire sparkling in lovers' eyes; // Being vexed, a sea nourished with loving tears. <...> (Shakespeare 2010: 14).

Состояние влюбленности Ромео передает через свою потерянность:

ROMEO. Tut, I have lost myself. I am not here. This is not Romeo, he's some other where (Shakespeare 2010: 14).

Ему, как практически всем в подобных обстоятельствах, свойственно преувеличивать положительные качества возлюбленной, e.g.:

ROMEO. <...> She is too fair, too wise, wisely too fair <...> (Shakespeare 2010: 15).

Для него эта любовь окрашена печалью и горечью от того, что она остается безответной и передана через гиперболу и синонимические повторы:

ROMEO. Is love a tender thing? It's too rough, too rude, too boisterous and it pricks like thorn (Shakespeare 2010: 24).

Но влюбленность в Розалину сменяется нравственно чистой и высокой любовью Ромео к Джульетте. В их первом диалоге звучит лексика с религиозной коннотацией: *shrine, sin, pilgrim, faith, saints, prayer*. Светлый образ возлюбленной передан метафорами: *the holy shrine, the gentle sin, dear saint, as is a winged messenger of heaven, bright angel, fair maid, Lady*, которые создают образ Джульетты, как святой, отделяя ее от земного и грешного мира на протяжении всей пьесы.

Ромео и Свин относятся к романтическим героям поскольку оба стремятся к недостижимому идеалу (для Ромео – быть всегда вместе с Джульеттой; для Свина – желание разделить свою любовь со Свинкой в их Дворце Диско, где они Король и Королева). Они оба переживают разлад между высокой мечтой и низкой действительностью, и ощущают неудовлетворенность, находясь в конфликте с окружением. Романтические герои разных писателей в сущности похожи друг на друга. Важными для рассмотрения представляются события в пьесах, которые привели к горестным последствиям для мужских образов влюбленных: изгнание Ромео в Мантую и весть о смерти Джульетты; «отказ» Свинки и ее уход от Свина навсегда. Эти кульминационные моменты запустили механизм неотвратимости трагедии.

Для Ромео необходимость скрываться, невозможность быть рядом с возлюбленной – почти смерть, что передано через, как может показаться, нелепость и абсурдность высказываний героя, где присутствуют много-союзиe и перечисление:

ROMEO. Heaven is here // Where Juliet lives, and every cat and dog // And little mouse, every unworthy thing, // Live here in heaven and may look on her, // But Romeo may not. (Shakespeare 2010: 74).

Его печаль измерена отрешенностью от внешнего мира:

ROMEO. Mistlike, infold me from the search of eyes (Shakespeare 2010: 75).

В словах посредников их любви (кормилицы и монаха) звучит горькая ирония:

*FRIAR LAWRENCE. There on the ground, with his own tears made drunk.
NURSE. Oh, he is even in my mistress' case, // Just in her case. O woeful*

sympathy, // Piteous predicament! Even so lies she, // Blubbering and weeping, weeping and blubbering. (Shakespeare 2010: 76).

Произошло сродство душ влюбленных, одна личность родилась через другую, но их разлучают.

Возникшее стремление Свина, стать еще ближе Свинке, оборачивается ее отказом, который остается им не замечен:

PIG grabs at RUNT and kisses her. She struggles and pulls away (Walsh 2005: 14).

Оба героя чувствуют подспудные изменения, происходящие с ними. Братская любовь Свина по отношению к Свинке перерастает в любовь мужчины к женщине:

PIG. <...> Pig nee to be a man <...> We man and woman now. We kiss wid tongues <....> (Walsh 2005: 20).

Эта пробуждающаяся страсть Свина отражена в необычайно откровенном внутреннем монологе, который многие критики сочли « неожиданным, но безупречным и мощным » [Kaplan <http>]. Он начинается риторическим вопросом:

PIG. Why I kiss da honey lips a Runt? <...> (Walsh, 2005 20),

то есть Свин пытается проанализировать свое влечение к Свинке. Этот внутренний монолог – насколько эротично откровенный, настолько же и поэтичный – отражает желание Свина, чтобы физическая близость дополнила их уже существующую, мощную эмоциональную и духовную связь. В силу своей ограниченности, он не понимает, не чувствует, что Свинка уже начала открывать для себя другие возможности, помимо их отношений.

Море становится метафорой любви Свина. На берегу моря, он от всего сердца дарит Свинке его в честь Дня Рождения:

PIG. <...> All dat wator, hah. Is all yers, Runt. (Walsh 2005: 17).

Этот неосторожный подарок, преподнесенный Свином символ огромности их чувств и дружбы, у Свинки вызвал странное желание:

RUNT. I wanna walk inta da sea an neva come back. I wan ta tide to take me outa me an give me someone differen... maybe jus fur a halfhour or so! <...> (Walsh 2005: 17).

Проснувшийся в Свине Ромео одновременно и вдохновляет и ослепляет его. Не просто так именно Свин угадывает пароль в благословенный для них Дворец Диско, после долгих и мучительных раздумий отвечая на вопрос о цвете любви, что он – синий. Для него, наверное, его собственное чувство – такое большое и яркое, что напоминает цвет моря в ясный день. Но это же чувство заставляет его не замечать изменений в Свинке, а стремиться удержать, сохранить ее только для себя, так как его мир опасно сузился до размеров « Свин – Свинка ».

В очередном кульминационном моменте, когда во Дворце Диско Свин видит, как парень целует руку Свинки и ей это нравится, его настоящая ревность выплескивается потоком повторов:

PIG. Oud oud oud oud oud oud OUD OUD OUD!!!!!! Take oud! Move oudda da fuckin way! Door open shut! Throw! You dirty liddle fuck she my girlfren bollix! Smash! Kassshhh! (Walsh 2005: 28)

– и читатель понимает с ужасом и неотвратимостью чего-то очень плохого, что это уже не игра в «ревнивого парня»:

PIG. <...> Blood blood blood! An Smashhh smasshhhh smash! I am da king ya fuckidy fuck! Ashtray! Smash kaasshhhh head smasshhh! Head crack op! She mine, luvver boy! She my girl! Me an her, king an queen ya bad boy! Scream baby liddle baby scream an SMASH SMASH SMASH... SMASHHH!!!! (Walsh 2005: 29).

Ритм монолога, напоминающий градом сыплющиеся удары, построенный на повторении односложных слов, с использованием аллитерации и ассонанса – все это автор пьесы гениально применил для достижения кульминации с наиболее вероятной развязкой – убийством. Эта «стычка» сменяется непреклонным уходом Свинки, бросающей на прощание своему неразлучному другу:

RUNT. Cheerio. So-long pal.

На что Свин кричит в ответ:

PIG. Wat? Stay! STAY STAY STAY STAY STAY STAY STAY STAY!!!! (Walsh 2005: 29),

а слышит:

RUNT. GO GO GO GO GO GO GO GO GO GO!! (Walsh 2005: 29).

Образ влюбленного Ромео складывается не только из его речи, но и из высказываний других персонажей пьесы о нем. В обращении Меркуцио к Ромео звучит ирония:

MERCUTIO. Romeo! Humors, madman, passion, lover! (Shakespeare 2010: 36);

MERCUTIO. Alas, poor Romeo, he is already dead, stabbed // with a white wench's black eye, run through the// ear with a love-song, the very pin of his heart cleft // with the blind bow-boy's butt shaft. (Shakespeare 2010: 48);

MERCUTIO. Without his roe, like a dried herring. O flesh, flesh, // how art thou fishified! <...> (Shakespeare 2010: 49).

Данные номинативные предложения с нарастанием признака влюбленности характеризуют изменения, которые произошли в Ромео с момента увлеченности Розалиной до любви к Джульетте. В представлении кормилицы Ромео честный, порядочный и красивый человек:

NURSE. Your love says, like an honest gentleman, // And a courteous, and a kind, and a handsome <...> (Shakespeare 2010: 55),

кроткий как ягненок

NURSE. He is <...>, I'll warrant him, as gentle as a lamb. <...> (Shakespeare 2010: 56).

Все оценочные суждения – лексические единицы с положительной коннотацией.

Смерть Джульетты, «лучшего из плодов земли», приводит Ромео к мысли о собственной смерти, ведь для него, как и для Свина мир без любимой невозможно представить. В последнем его монологе в склепе образ Джульетты, как источника света, доброго ангела, соткан из множества стилистических приемов таких, как метафоры, повторы, риторические вопросы и

восклицания. Все эти средства выражают отчаянье и искренность чувств главного героя:

ROMEO. A grave? O no! A lantern, slaughtered youth, // For here lies Juliet, and her beauty makes // This vault a feasting presence full of light. // Death, lie thou there, by a dead man interred. <...>” (Shakespeare 2010: 116); *“ROMEO. <...> A lightening before death! Oh, how may I // Call this a lightening? – O my Love, my wife! <...>* (Shakespeare 2010: 117).

Таким образом, Ромео и Свин, пережили и радость и страдания от чувства любви. По праву Свина можно назвать современным Ромео. Лингвостилистическими особенностями создания образа влюбленного Свина являются: звукоподражание, ассонанс, аллитерация; риторические вопросы, восклицания, повторы; прием самораскрытия. Свин – некий новый характер, возникший в эпоху одурманивающих дискотек, как асоциальная, ограниченная, психически неуравновешенная личность, способная, тем не менее, на глубокое чувство привязанности. Образ влюбленного Ромео построен через форму сонетного стиха. Среди словесно-речевых средств выделяются различные фонетические (поэтический слог, аллитерация), лексические (метафоры, эпитеты, сравнения, оксюмороны, гиперболы, аллюзии) и морфосинтаксические средства (параллельные конструкции, хиазм, различного вида повторы, антитезы, окказионализмы). Как для Ромео, так и для Свина их любовь жива до конца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jacobson R. Disco Pigs Review. Pure Theatre. Pleasance. London, 2006. [Электронный ресурс] / R. Jacobson. – URL: <http://www.britishtheatreguide.info/reviews/discopigs-rev>. (дата обращения: 11.05.2012).
2. [Kaplan J. Poetry Like Pearls To Pigs. \[Электронный ресурс\] / J. Kaplan, G. Sumi. – URL: http://www.nowtoronto.com/issues/17/33/cover.htm](http://www.nowtoronto.com/issues/17/33/cover.htm). (дата обращения: 13.05.2008).
3. Press Release: Disco Pigs Set To Liven Up NZ’s Cold Winter Months, 2003, [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.scoop.co.nz/stories/CU0307/S00042.html>. (дата обращения: 11.05.2012).

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Shakespeare W. Romeo and Juliet / W. Shakespeare. – Oxford: Oxford University Press, 2010.

Walsh E. Disco Pigs & Sucking / E. Walsh. – Dublin, L.: Nick Hern Books, 2005.

LINGUO-STYLISTIC ANALYSIS OF THE MAIN MALE CHARACTERS’ IMAGES IN THE PLAYS «ROMEO AND JULIET» BY W. SHAKESPEARE AND «DISCO PIGS» BY E. WALSH

J.V. Sharapova, O.A. Smelyova-Lavrova

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg)

Writers, poets, playwrights of different epochs and nations often address the same issues which relate to their contemporaries, and try to demonstrate in their works some new facets of the problems. This article focuses on two plays, similar to some extent in terms of the contents but utterly different form-wise and in the manner they affect their readers.

Key words: *play, linguo-stylistic peculiarities, main characters, conflict.*

Об авторах:

ШАРАПОВА Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, *e-mail:* unijusharapova@yandex.ru,

ШМЕЛЕВА-ЛАВРОВА Ольга Александровна – магистр филологического образования, выпускница Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена *e-mail:* najubilej@rambler.ru.